

ОРУЭЛЛ (Orwell) Джордж (настоящее имя - Эрик Артур Блэйр, псевдоним Оруэлл принят в 1933) (1903-1950) - британский мыслитель и писатель, классик современной антиутопии. Окончил колледж Итона (1921).

Участник гражданской войны в Испании на стороне республиканцев.

Основные сочинения: "1984" (1949), "Скотный двор" ("Звероферма") (1945), "Собачья жизнь в Париже и Лондоне" (1933), "Дочь священника" (1935), "Пусть цветет аспидистра" (1936), "Дни в Бирме" (1934, 1936), "Дорога на Уиган-Пирс" (1937), "Памяти Каталонии" (1939), "За глотком свежего воздуха" (1939), "Во чреве кита" (1940), "Лев и единорог" (1940), "Уэллс, Гитлер и Всемирное Государство" (1941), "Литература и тоталитаризм" (1941), "Подавление литературы" (1945-1946), "Политика против литературы. Взгляд на "Путешествия Гулливера" (1946), "Рецензия на "Мы" Е.И. Замятина" (1946), "Англичане" (1947), "Писатели и Левиафан" (1948) и др.

Смысловой и аксиологической несущей конструкцией всего творчества О. выступала предельно жесткая критика тоталитаризма в любых его формах и проявлениях. В сатирическом произведении "Звероферма", навеянным О. мотивами событий в СССР 1917-1945 и практиками революционистских режимов в Европе между первой и второй мировыми войнами, демонстрируется неизбежное перерождение касты профессиональных революционеров, ставшей правящим классом. Стремление последнего с целью удержания власти формулировать перед народными классами постоянно меняющиеся и абсолютно неразрешимые для данного поколения задачи, порождает, по О., особый цинизм властвующей элиты, приходящей к тоталитарному господству насильственным путем. (По убеждению О., "новизна тоталитаризма - в том, что его доктрины не только неоспоримы, но и переменчивы. Человеку надлежит принимать их под страхом отлучения, однако, с другой стороны, быть всегда готовым к тому, что они в одну минуту могут перемениться... Тоталитаризм... сулит нам не столько эпоху веры, сколько эпоху шизофрении... Если когда-нибудь где-нибудь бесповоротно восторжествует тоталитарное общество, оно, вероятно, учредит некий шизофренический образ мышления, допускающий опору на здравый смысл в повседневной жизни и в некоторых точных науках и предполагающий отказ от здравого смысла в политике, истории и социологии...

Общество превращается в тоталитарное, когда его структуры становятся вопиюще искусственными, то есть когда его правящий класс утрачивает свое назначение, но силой или обманом продолжает цепляться за власть. Подобное общество... никогда не сможет себе позволить терпимости или интеллектуального равновесия".) О. одним из

первых почувствовал, что представители социальных групп-аутсайдеров, стремящихся к силовому овладению механизмами государственного управления и перераспределения материальных благ, изначально в массе своей ориентированы на легитимацию абсолютной бесконтрольности своего пребывания у власти. Идеи "Зверофермы" и других произведений О. 1940-х впоследствии трансформировались в грандиозную антиутопию "1984" - культовый текст мировой гуманистической традиции (тираж англоязычных изданий только в первый год существования - около полумиллиона экземпляров; переведен на 60 языков мира; неоднократно экранизирован и телеэкранизирован), посвященный многомерной критике тоталитаризма. В философско-социологическом и культурологическом контекстах интерпретационный потенциал центральных идеологем "1984", выступавших и продолжающих выступать предметом планетарных интеллектуальных полемик на протяжении всей второй половины 20 в., безусловно сопоставим с "Левиафаном" Гоббса.

Главными несущими конструкциями "1984" выступили: а) идея, которой твердо придерживался О., и согласно которой "...социализм, если он значит только централизованное управление и плановое производство, не имеет в своей природе ни демократии, ни равенства"; б) тезис О. о том, что интеллектуалы, ангажированные идеологией, "в большинстве своем готовы к диктаторским методам, тайной полиции, систематической фальсификации...". Вопреки вере представителей социалистических и лейбористских движений середины 20 ст. в собственную исторически-прогрессивную миссию, вопреки их убежденности в том, что тирания порождается институтами частной собственности и стремлением правящих классов к неограниченному обогащению, О. предположил (в известном смысле под влиянием Бернхэма), что "последняя в мире олигархическая революция" может быть осуществлена не столько классом крупных собственников, сколько репрезентантами "воли и интеллекта", сторонниками "рационального, планового общества" - "новой аристократией", рекрутирующейся во второй половине 20 в. из "бюрократов, ученых, инженеров, профсоюзных руководителей, специалистов по обработке общественного мнения, социологов, преподавателей и профессиональных политиков". Именно эти люди и "верхний слой рабочего класса", соединенные вместе "выхолощенным миром монополистической промышленности и централизованной власти" оказались, согласно версии "1984", "менее алчны, менее склонны к роскоши", но в отличие от "нерешительных и расхлябанных" тираний прошлого они "сильнее жаждали чистой власти" и "настойчивее стремились сокрушить оппозицию". (По мнению О., именно они освоили в полном объеме программную мысль, что "цель репрессий - репрессии, цель пытки - пытка, цель власти - власть".) Архитектоника и исполнение "1984" по классическим канонам романа, фундированные концептуально-метафорическими реконструкциями идеологии, теории и практики современных О. тоталитарных режимов, а также формулировка в его рамках ряда значимых социально-философских, социологических, политологических и социально-психологических гипотез обуславливают разноуровневую и перманентную эвристическую нагруженность этого произведения.

Разнокачественные характеристики вымышленного государства Океания (со столицей в Лондоне) - цитадели тоталитарной версии социализма (по версии "1984" "ангсоца" или "английского социализма"), формулируемые О., могут быть сведены к следующим:

1)

Фиксация и обобщение типичных репертуаров государственной деятельности социалистических СССР и Германии; культурфилософские "провокации" против сакральных идеалов и ментальности англо-саксонского типа первой половины 20 ст. Так, весьма узнаваемыми выступали атрибутивные для Океании: А) Структура государственного аппарата, включавшего в себя "министерство правды", ведущее вопросы информации, образования, досуга и искусств; "министерство мира", отвечающее за ведение войн; "министерство любви", курирующее общественный порядок; "министерство изобилия", занимающееся экономикой. Б) Атмосфера тотального слежения и взаимного доносительства ("...приходилось жить - и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, - с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают... детей же систематически настраивают против родителей, учат шпионить за ними и доносить об их отклонениях").

В) Псевдо-правовое поле, когда "противозаконного не существует, ибо нет самих законов". Г) Эстетизация насильственной смерти "врагов" народа и государства в масс-искусстве (особенно - в кинопроизводстве и в сценариях массовых манифестаций). Д) "Двухминутки ненависти" - образ милитаристских "политических информации". Е) Безвозвратное исчезновение (обозначение "1984" - "распыление") миллионов людей (ср. "десять лет без права переписки" в системе ГУЛАГа) и "выселение целых народов". Согласно представлениям О., нравственные запреты и сексуальные табу, обусловленные викторианской моралью, были не только полностью сохранены в условиях тоталитаризма, но и санкционированы всей мощью репрессивной государственной машины.

Распространяемые на повседневную жизнь членов Партии данные поведенческие ограничения, конечной целью которых было "лишение полового акта удовольствия", "уничтожение эротизма", воспроизведение детей в первую очередь для нужд армии исполняли роль дополнительных средств социального контроля: согласно О., "...между воздержанием и политической правоверностью есть прямая и тесная связь. Как еще разогреть до нужного градуса ненависть, страх и кретинскую доверчивость, если не закупорив наглухо какой-то могучий инстинкт, дабы он превратился в топливо?".

2)

Предвосхищение и концептуализация универсальных процедур конституирования и легитимации тоталитарных механизмов в обществах постиндустриального и информационного типов. Осознанно ориентированными в будущее (что диктовалось как

самим жанром антиутопии, так и представлениями О. о планетарном масштабе угрозы тоталитаризма) выступили акценты "1984", согласно которым: А) "Единственной надежной основой для олигархии" является коллективизм. Б) Ангсоц выполнил "главный пункт социалистической программы" - "экономическое неравенство было закреплено навсегда". В) Была достигнута и легитимизирована высокая степень стратифицированности общества Океании: 85% людей составляют "пролы" или пролетариат, располагающиеся вне сферы выработки и осуществления каких-либо социально значимых действий ("пролы и животные свободны"); "внешняя партия", осуществляющая исполнение исполнительских решений (функция "рук Партии"); "внутренняя партия" (ср. партийная номенклатура) или "мозг Партии", составляющая "чуть меньше двух процентов населения" во главе со "Старшим Братом" (являющим собой "вершину пирамиды", "непогрешимым и всемогущим", "которого никто не видел" - "его лицо - на плакатах, его голос - в телеэкране", он "никогда не умрет, и уже существует значительная неопределенность касательно даты его рождения"; "назначение его - служить фокусом для любви, страха и почитания, чувств, которые легче обратить на отдельное лицо, чем на организацию").

Принципиальный для европейской культуры 20 в. философско-нравственный поворот, представленный О. в "1984", был связан с подчеркнуто нетрадиционной трактовкой роли пафосного рационализма в процедурах организации общественной жизни и разработке средств и методов социального контроля: если у Ф. Достоевского, Замятина (см.), М. Пруста и др. формула $2 \times 2 = 4$ олицетворяла "тиранию рассудка" ("человек Подполья" у Достоевского противопоставляет социуму, где $2 \times 2 = 4$ - некий желаемый "мир свободы", в котором "дважды два пять - премилая иногда вещичка"), то О. неоднократно посещал мысленный образ "кошмарного мира, где дважды два будет столько, сколько скажет вождь. Если он скажет "пять", значит, так и есть, пять". Данная идеологема "1984" отвергает ориентацию на мятеж против естественных смыслов, усматривая в ней, согласно О., иррационально-разрушительную реакцию индивида, не способного "жить в согласии с обычной порядочностью". О. отмечал, что формулы

"Пятилетка в четыре года" и $2 \times 2 = 5$ постоянно привлекали его внимание: в них он усматривал "и вызов, и парадокс, и трагический абсурд советской драмы, ее мистическую простоту, ее алогичность, редуцированную к шапкозакидательской арифметике". По одной из центральных максим "1984", "свобода - это возможность сказать, что дважды два - четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует".

В рамках концепции "1984" социальные механизмы тоталитарного режима, соответствующим образом трансформирующие личность, в условиях, когда они приобрели планетарный масштаб, не оставляют индивиду никакой возможности для личных предпочтений и свободного поведенческого выбора: по О., заповедью старых деспотий выступал постулат "не смей"; лозунгом традиционных тоталитарных режимов - "ты должен"; максимой общества "1984" стало "ты есть". Важнейшей компонентой "1984" как литературно-фило-софского произведения, обуславливающей его статус перманентно эволюционирующей и высоко эвристичной мыслительной модели -

выступает постмодернистская по сути трактовка О. "главного догмата англофашизма" - идеи об "изменчивости прошлого".

Самые различные интерпретации лозунга внутренней партии из "1984", согласно которому "кто управляет прошлым, - тот управляет будущим; кто управляет настоящим, - тот управляет прошлым", занимают особое место в истории интеллектуализма второй половины 20 ст. Теоретическая осуществимость программы лишения подавляющего большинства людей исторической памяти; перспектива неограниченного манипулирования даже теми фрагментами ушедшего и наличного бытия, которые традиционно полагались "абсолютными истинами"; достижимость элиминации всех ценностно- и смыслообразующих межличностных связей индивидов; превращение социального мира в виртуальное пространство произвольно трансформируемых текстов и квази-исторических свидетельств - упреждающе обозначили потенциальный горизонт расчеловечивающих технологий - возможного продукта деятельности новой общественной категории 20 в. - "социальных инженеров".

Как утверждал О., "роман не направлен против социализма или британской лейбористской партии (я за нее голосую), но против тех извращений централизованной экономики, которым она подвержена и которые уже частично реализованы в коммунизме и фашизме. Я не убежден, что общество такого рода обязательно должно возникнуть, но я убежден (учитывая, разумеется, что моя книга - сатира), что нечто в этом роде может быть. Я убежден также, что тоталитарная идея живет в сознании интеллектуалов везде, и я попытался проследить эту идею до логического конца. Действие книги я поместил в Англию, чтобы подчеркнуть, что англоязычные нации ничем не лучше других и что тоталитаризм, если с ним не бороться, может победить повсюду".

"1984" - роман-предупреждение не столько обществам с "переходной экономикой", сколько цивилизациям постиндустриального типа: превращение процедур производства и распределения информации в основополагающее начало социальности фундировало появление принципиально новых средств и репертуаров отчуждения и порабощения людей. Ведущий акцент "1984" - обличение завершеного тоталитарного строя, фундирующегося на многомерном духовном и физическом порабощении человека, абсолютном и открытом попрании свободы, достоинства и индивидуальности личности, на всеобщем и универсальном шпионаже и взаимном доноситељстве, на узаконенной борьбе государства и его карательных органов против любой инакости - основы человеческого творчества. (Согласно О., "...есть вещи, со славословием несовместимые, и тирания - одна из них.

Не написано ни единой хорошей книги во славу инквизиции. Поэзия может уцелеть в тоталитарные времена; некоторым искусствам или полуискусствам типа архитектуры тирания могла бы даже пойти на пользу; но прозаике остается единственный выбор -

между молчанием и смертью.

Проза, какой мы ее знаем, - это дитя разума, протестантской эпохи, независимой индивидуальности. Умерщвление свободы мысли парализует журналиста, социолога, историка, романиста, критика и поэта - именно в такой последовательности... если либеральной культуре, в условиях которой мы существуем с эпохи Возрождения, придет конец, то вместе с ней погибнет и художественная литература".)

Несмотря на то, что метафоры и образы О. использовались в 20 в. преимущественно для характеристики и отображения функционирования сталинского СССР и гитлеровской Германии, социальные и политические технологии, описанные им, в модернизированном виде потенциально применимы к любой нелиберальной общественной системе постиндустриального типа, в границах которой монополизируется право на свободную содержательную интерпретацию и распределение информации, отрицаются права человека как таковые и - таким образом - общество искусственно стратифицируется на правящую элиту и бесправное население. По О., "...католики и коммунисты имеют одно общее - считают противную сторону неспособной быть одновременно честной и умной". Как полагал О., "шанс избежать такого будущего ничтожен, если мы не восстановим доверие к идеалу человеческого братства, значимому и без размышлений о "грядущей жизни". С точки зрения О., "тоталитаризм уничтожает возможность согласия, основывающегося на том, что все люди принадлежат к одному и тому же биологическому виду. Нацистская доктрина особенно упорно отрицает существование этого вида единства. Скажем, нет просто науки.

Есть "немецкая наука", "еврейская наука" и т.д.". Весомое значение, уделенное О. социальной роли адаптированных и лишенных смысловых нюансов и содержательных различий словоформ межчеловеческого общения ("новояз"), оказалось созвучным распространенной в философии 20 в. идее о высокой степени зависимости бытия человека в обществе от вербальных средств его описания и концептов его понимания, осуществляемых им самим. Оставаясь до конца дней безусловным приверженцем идеалов демократического социализма и справедливости, О. во всем своем творчестве стремился органично совмещать их пафос с борьбой за свободу и достоинство каждого человека. См. также: Новояз.

А.А. Грицанов